

Но если бы пришлось начинать всё сначала, он выбрал бы то же самое. В конце концов, в сравнении с брезгливостью жизнь всё же важнее.

Поэтому он понемногу продвигался вперед, пока наконец не ухватился за рукав Бай Мэнцзинь.

Оба облегченно выдохнули.

Ху Эрнян летела долго. Когда небо начало сереть, в поле зрения наконец показалось исполинское дерево, закрывающее собой всё небо. Огромная крона, устремленная ввысь, была не меньше целой горы.

— Дерево утун? — Лин Буфэй нахмурился. — Почему мы всё еще на горе Фэнхуан?

Город Фэнъю и долина Цифэн на самом деле находились на одном горном хребте, называемом горой Фэнхуан. Дерево утун на этой горе — это место, куда слетаются тысячи птиц.

Но это нелогично. Как практик стадии Хуашэнь может двигаться так медленно? За ночь можно было долететь до самого Запада.

— Она намеренно кружит, чтобы сбить нас с толку, — произнесла Бай Мэнцзинь.

— О, — Лин Буфэй кивнул и бросил на неё косой взгляд.

В этом взгляде было слишком много подтекста, и Бай Мэнцзинь очень хотелось спросить, что он имеет в виду. Но не успела она открыть рот, как красная нить, опутывавшая их, дернулась. Оба внезапно лишились опоры и полетели вниз.

Ощущение потери контроля заставило Лин Буфэя крепко ухватиться за соседку.

Бай Мэнцзинь успела лишь создать защитный ореол, прежде чем они пролетели сквозь густую листву и рухнули в дупло. К счастью, внизу была куча сухого сена, так что обошлось без травм.

Они прокувыркались несколько раз, и когда наконец остановились, на роскошных одеждах молодого господина секты оказались прилипшие травинки.

Затем вошла Ху Эрнян.

На вид ей было около тридцати, выглядела она деловито, одета была практично. Бай Мэнцзинь еще раз убедилась, что не знает эту женщину; по-видимому, спустя несколько десятилетий она исчезла из этого мира.

Ху Эрнян не обратила внимания на Лин Буфэя, вместо этого задумчиво посмотрела на девушку:

— А ты интересная, девчонка. Столь юна, а уже достигла стадии Цзиньдань, да к тому же еще и магический практик.

Бай Мэнцзинь выдавила улыбку, настороженно глядя на неё.

Ху Эрнян усмехнулась, отряхнула подол, села на пень неподалеку и даже наколдовала чашку, чтобы попить воды.

— Девчонка, кем ты ему приходишься? — спросила она.

— Я... — Бай Мэнцзинь покосилась на соседа. Ху Эрнян ясно дала понять, что похитила Лин Буфэя ради допроса, который, скорее всего, касается его отца, а это — тайна секты Уцзи. Если она окажется посторонней, её участь может быть незавидной, ведь она не знала стиля поведения Ху Эрнян.

— Она моя служанка, — на опережение ответил Лин Буфэй.

— Служанка? — ирония на лице Ху Эрнян стала еще гуще. — Вы ведь не думаете, что я не слышала, о чем вы говорили в небе?

Чья служанка станет так разговаривать со своим господином?

— Э-э... — молодой господин секты лихорадочно соображал, какой ответ будет выглядеть естественно. Непосвященные ученики дворца Данься в глазах практика Хуашэнь — пустое место, да и даже если бы она была посвящена, такая ученица не имела веса. Нужно было придумать статус, который заставил бы Ху Эрнян проявить осторожность.

— Что, сложно ответить? — Ху Эрнян начала терять терпение.

Лин Буфэй выпалил:

— Она моя невеста!

Как только эти слова слетели с его губ, Ху Эрнян вскинула брови, а Бай Мэнцзинь потрясенно покосилась на него.

Что этот парень несет? Ударился головой и бредит?

Ху Эрнян посмотрела на Лин Буфэя, затем на Бай Мэнцзинь:

— А мне почему-то так не кажется.

— По статусу служанка, по факту — невеста, — раз уж слова были сказаны, молодой господин секты мгновенно вошел в роль искусного лжеца. — Вы ведь должны знать, в каком я положении. Внутри меня полно духовной энергии стадии Хуашэнь, но меридианы разъедены магической ци, так что использовать её невозможно. Эта девчонка хоть и низкого происхождения, но обладает уникальными способностями, её энергия идеально подходит для практики двойного совершенствования, чтобы помочь мне очистить каналы. Поэтому мой дядя и прислал её — на самом деле она со мной всего несколько дней, мы еще не очень близки.

Эти слова звучали логично, Ху Эрнян не нашла изъянов, поэтому взмахнула рукой, и красная нить обвила запястье Бай Мэнцзинь.

Сердце Лин Буфэя подскочило к горлу, он боялся разоблачения. Но в следующее мгновение Ху Эрнян понимающе кивнула и отозвала нить:

— Тело из закаленного нефрита, к тому же магическое сердце — вы действительно подходите друг другу.

Ха? Теперь уже сам молодой господин секты был в шоке.

Стоявшая рядом Бай Мэнцзинь не удержалась и закатила глаза, молчаливо соглашаясь с его бредом. Ладно уж, главное — выбраться отсюда живыми, пусть будет невестой.

— Раз вы жених и невеста, нет нужды соблюдать дистанцию, — Ху Эрнян поднялась и очертила вокруг них черту своей энергией. — Ни шагу из дупла, иначе... хм!

Бросив угрозу, она развернулась и вышла, её фигура растворилась среди густых ветвей.

Бай Мэнцзинь озадаченно спросила соседа:

— Разве она не собиралась тебя допрашивать? Почему ушла? Не боится, что затянется, и кто-нибудь выследит её?

Лин Буфэй откинулся на кучу сена и ответил:

— Ты же слышала, её интересовал мой отец. Он пропал восемнадцать лет назад, я тогда только родился, откуда мне знать?

— Тогда...

— Она пришла не за мной, а за тем, что находится внутри меня, поэтому ей нужно подготовиться.

От этих слов у Бай Мэнцзинь мурашки побежали по коже.

Она вспомнила историю происхождения этого молодого господина. Река Минхэ, восстание клана демонов, гибель госпожи Цзян... Она внезапно всё поняла:

— Твоя мать запечатала что-то в тебе?

Лин Буфэй кивнул, удивленно глядя на неё:

— А ты быстро соображаешь!

Бай Мэнцзинь вздохнула про себя. Она-то думала, как секта Уцзи могла позволить младенцу стать молодым господином, ведь пост главы не передается по наследству. В свое время госпожа Цзян, должно быть, запечатала в нем нечто крайне важное — то, что не только спасло ему жизнь, но и сослужило огромную службу.

Поэтому существование Лин Буфэя так важно для секты. Он и есть то самое сокровище. Секта лелеет его, предупреждая мир не трогать его. А семья Лин использовала этот факт, чтобы захватить власть и сесть на трон главы секты.

Глава 32. Кража птичьих яиц

Рассвело, солнечные лучи пробивались сквозь листву в дупло, снаружи заливались птицы.

Лин Буфэй терпел, терпел и наконец не выдержал:

— Раннее утро, а вы орете, как на похоронах! Шумно!

Увы, у молодого господина секты здесь не было авторитета. После его крика птицы запели еще громче, от чего у него разболелась голова.

Он повернул голову и увидел, как Бай Мэнцзинь достает из рукава флягу, и тут же донесся

аромат вина.

— Откуда у тебя вино? — удивился он.

Бай Мэнцзинь моргнула:

— Прихватила в Башне Сбора Звезд.

— ... — С виду такая тихая и послушная, а на деле способна на такое.

Бай Мэнцзинь достала маленькую чашку и принялась неспешно пить, чувствуя себя весьма вольготно.

Лин Буфэй понаблюдал за ней и не выдержал:

— Что за радость пить в одиночку? Поделись со мной!

Они встретились взглядами, и Бай Мэнцзинь невинно ответила:

— Но его осталось совсем чуть-чуть...

Молодой господин секты впервые в жизни просил у кого-то выпивки, и ему отказали...

Затем она вздохнула:

— Жаль, нет закуски, не хватает полноты ощущений.

Лин Буфэй тут же нашел выход:

— Я раздобуду закуску, а ты поделишься вином.

— У тебя есть еда?

— Откуда ей взяться? Обычно этим занимается Байли.

Лин Буфэй поднялся и выглянул наружу.

Дупло напоминало небольшую комнату с дверью и окном, за которым весело щебетали птицы.

Лин Буфэй огляделся и наконец заметил над головой гнездо. Он обрадовался:

— Есть!

— Будь осторожен, не высовывайся, там барьер! — предупредила Бай Мэнцзинь.

— Знаю.

Он вскарабкался на подоконник, чтобы дотянуться до гнезда. Попробовав несколько раз, он понял, что барьер не пропускает живых существ, но мертвые предметы проходят сквозь него беспрепятственно.

Он поискал в комнате, нашел две подходящие ветки и осторожно сбил гнездо.

— Там яйца! — молодой господин секты ликовал. Подумал: вы, пернатые твари, довели меня до мигрени, так что пусть дети ответят за родителей!

Птица, только что увлеченно распевавшая песни, обнаружила кражу гнезда, взъерошила перья и бросилась на защиту.

Лин Буфэй ловко увернулся и нырнул за барьер. Птица не смогла пролететь внутрь и в ярости принялась орать на своем птичьем языке.

Он выпустил пар, настроение поднялось, и он начал дразнить птицу, вертя яйцом перед её носом:

— Иди сюда, иди! Если сможешь, забери!

Он с издевкой входил и выходил за границу барьера.

Птица, не обладающая разумом, от его провокаций начала яростно клевать барьер, но тот, разумеется, даже не дрогнул, а крики стали еще противнее.

Лин Буфэй рассмеялся, но вдруг — шлеп! — сверху упала птичья лепешка прямо ему на руку...

— Пфф! — Бай Мэнцзинь не сдержалась и прыснула. Оказывается, загадочный и благородный господин Лин в восемнадцать лет был таким невыносимым типом.

Лицо Лин Буфэя почернело. Он яростно стряхнул грязь, долго тер руку о стену дупла, но запах все равно остался.

— Ладно, помогу тебе, — сжалилась Бай Мэнцзинь, решив, что он сегодня её неплохо развлек.

Она применила заклинание очищения, а затем собрала поток воды, чтобы он мог тщательно вымыть руки. Только после этого лицо молодого господина стало менее мрачным.

— Проклятая птица, если бы я мог выйти, я бы её зажарил! — прорычал Лин Буфэй.

— Ты разорил её гнездо, так что, если рассудить, она пострадала больше, не так ли?

Лин Буфэй задумался и решил, что она права. Злость прошла, и он принялся рассматривать гнездо:

— Как это готовить? Может, запечем?

— А если запекать так, они не взорвутся?

— Не переживай, обещаю, не взорвутся.

Молодой господин секты с энтузиазмом вытащил сухое сено, нарвал снаружи листьев и фруктов, умело выдавил сок и принялся запекать яйца. От начала до конца он просил её лишь разжечь огонь заклинанием.

Бай Мэнцзинь смотрела на это с удивлением. В прошлой жизни она прожила тысячу лет, не касаясь ничего, кроме совершенствования, и не ожидала, что изнеженный Лин Буфэй на такое способен.

Когда яйца были готовы, Лин Буфэй нанизал их на тонкую щепку и протянул ей:

— Попробуй.

Бай Мэнцзинь с сомнением откусила кусочек, ожидая пресного вкуса, но яйцо оказалось кисло-сладким и очень вкусным.

— Ну как? — Лин Буфэй с надеждой смотрел на неё.

Бай Мэнцзинь проглотила угощение и достала чашку, наливая ему вина.

Лин Буфэй просиял, сначала вдохнул аромат, затем пригубил, смакуя послевкусие.

— Раньше хозяин Башни Сбора Звезд прислал мне кувшин отличного вина, я успел сделать лишь два глотка, а теперь... — молодой господин секты покачал головой. Один день — и жизнь перевернулась. Теперь не то что вина, даже воды не достать.

Бай Мэнцзинь снова наполнила его чашку:

— А сейчас разве не пьешь? И печеные яйца есть!

— Верно, — Лин Буфэй выпил еще одну чашку. — И вкус неплохой.

Бай Мэнцзинь взяла печеный фрукт и спросила:

— Откуда ты знал, что это съедобно? Пробовал раньше?

Лин Буфэй гордо ответил:

— В горах Уцзи нет ничего, чего бы я не знал. Раз уж я не могу практиковать, в детстве мы с Байли облазили каждый пик.

Бай Мэнцзинь слушала его, не зная, что в ней берет верх — восхищение или сочувствие.

В положении молодого господина секты мало кто смог бы сохранить самообладание. В мире совершенствующихся быть неспособным к практике — всё равно что быть калеккой.

Удивительно, что он находит радость в жизни. И если он ведет себя высокомерно — что ж, неудивительно, почему секта Уцзи так терпима к нему.

— Ты не злишься? — Бай Мэнцзинь подперла подбородок рукой и посмотрела на него. — Родиться неспособным к практике, даже не иметь шанса на выбор.

— Злиться на что? — Лин Буфэй доел последнее яйцо. — На то, что моя мать была верна долгу и, будучи на сносках, отправилась на поле боя? Или на то, что она была слишком великодушна и предпочла пожертвовать собой, чтобы спасти мне жизнь?

Он отбросил щепку и отряхнул руки:

— Некоторые люди уже тем, что живы, получили величайшую удачу. У них нет права жаловаться на мир.

«Живы — это величайшая удача»... Бай Мэнцзинь обдумывала эти слова, медленно выпивая вино.

Лин Буфэй погасил костер и убрал листья. Покончив с этим, он посидел немного и вдруг сказал:

— А ты интересная.

Бай Мэнцзинь подняла глаза, встретившись с его изучающим взглядом.

— Вчера вечером ты пряталась за спиной Цзи Сингэ, позволяла ей защищать тебя, говорила писклявым голосом, будто вот-вот расплачешься, — он усмехнулся. — Ты ведь специально притворялась жалкой, да?

— Ничего подобного, — Бай Мэнцзинь невозмутимо отвела взгляд. — Ты был таким свирепым, я правда испугалась.

— Ха-ха, — молодой господин секты проигнорировал её отрицание и продолжил сам: — Но это работает. Я, когда был в секте, тоже часто так делал.

Ха?

— Стоило старейшинам сказать что-то неприятное, я начинал притворяться жалким. Сначала плакал о матери, потом о деде, и они сразу становились смирными.

Глава 33. Сокровище секты

В полдень Ху Эрнян вошла в дупло и, увидев их, чуть не рассмеялась от злости.

— Едите, пьете, неплохо устроились!

Лин Буфэй подпер подбородок, глядя на неё в упор:

— А что еще делать? Если я буду выглядеть более жалким, ты меняпустишь?

Очевидно, нет, поэтому Ху Эрнян не стала тратить слова.

Она щелкнула пальцами, и барьер изменился: дневной свет и пейзаж снаружи исчезли, словно черный купол изолировал дупло в отдельное пространство.

Бай Мэнцзинь, глядя на это, задумчиво кивнула. Вероятно, это массив, подготовленный Ху Эрнян. Она собиралась использовать тайную технику, поэтому ей нужно было изолировать пространство, чтобы колебания энергии не просочились наружу и не привлекли преследователей.

Теперь дупло было наполнено призрачным светом, атмосфера стала мрачной, а недавнее оживление казалось лишь иллюзией.

Лин Буфэй поднял голову, и в этом тусклом свете его лицо утратило юношеское легкомыслие, став глубоким и серьезным.

Ху Эрнян холодно смотрела на него:

— Это лицо... так похоже на лицо твоего отца. Наверняка ты вырастешь таким же предателем!

«Каким предателем?» Бай Мэнцзинь удивленно посмотрела на него. Неужели в исчезновении бессмертного господина Лина есть скрытая правда?

Лин Буфэй улыбнулся, хмельной блеск в глазах исчез, и теперь он вполне соответствовал тому образу главы секты, который она помнила из прошлой жизни.

— Госпожа Ху, позвольте напомнить, — спокойно сказал он, вертя в руках чашку. — Слухи о том, что мой отец предал секту, не имеют доказательств. Кроме того, я вырос в секте Уцзи и никогда не видел его. Ваши домыслы — не что иное, как клевета.

— Острый язык! — Ху Эрнян холодно усмехнулась. — Если бы не память о твоей матери, думаешь, ты сидел бы здесь живым?

— Спасибо за напоминание, — улыбнулся Лин Буфэй. — Видите ли, об отце ходят слухи о предательстве, но моя мать была настоящей героиней. Почему вы говорите, что я похож на отца, а не на мать? Не кажется ли вам это нелогичным?

Ху Эрнян не стала тратить время на споры с юнцом:

— Раз ты так бодр, значит, выдержишь тайную технику. Начнем.

Как только она произнесла эти слова, вокруг внезапно возникли бесчисленные красные нити и устремились к Лин Буфэю.

В мгновение ока он был опутан с ног до головы. Чашка выпала из рук, конечности были насильно растянуты, и он повис в воздухе, словно агнец на заклание.

Лин Буфэй нахмурился. Поза была неудобной и создавала сильное давление.

Но это было лишь начало. Ху Эрнян сложила печать, красные нити вспыхнули, и выражение лица Лин Буфэя стало мучительным.

Бай Мэнцзинь наблюдала за этим, её лицо становилось всё более тяжелым.

Она поняла: Ху Эрнян заставляет то, что скрыто внутри него, проявиться. Поскольку у него была энергия Хуашэнь его матери, а у этого предмета — собственная мощная сила, их противостояние внутри тела причиняло невыносимую боль.

Однако Лин Буфэй не издал ни звука. Даже когда по лицу катился пот, а на висках вздулись вены, он крепко сжимал губы.

— Неплохо, кости крепкие, теперь я спокойна, — Ху Эрнян влила в нити свою энергию.

Лишь тогда проявился истинный секрет дупла. В стенах дерева были скрыты тонкие желоба, похожие на кровеносные сосуды. По ним заструился зеленый свет, направленный прямо на Лин Буфэя!

Опутанный красными нитями, Лин Буфэй не мог пошевелиться и был вынужден позволить зеленому свету пронизать всё его тело, окутывая его целиком.

Бай Мэнцзинь резко вскочила:

— Ты заставляешь дерево утун противостоять тому, что внутри него? Ты сошла с ума? Он живой человек, а не труп!

Дерево утун, в котором они находились, было источником духовных жил горы Фэнхуан, питающим всё живое вокруг — мощь его была колоссальной. Использовать его против сокровища внутри Лин Буфэя — хороший способ, но для самого Лин Буфэя это невыносимая пытка: быть разрываемым двумя мощными силами!

Ху Эрнян бросила на неё взгляд:

— Глаза у девчонки острые, даже это заметила.

Но она не могла остановиться, особенно сейчас, когда почувствовала, что печать внутри Лин Буфэя начала ослабевать.

— А-а... — Лин Буфэй наконец вскрикнул. Каждая клеточка его тела горела от боли, сердце колотилось с невероятной скоростью, кровь бурлила...

Бай Мэнцзинь закрыла глаза, шагнула вперед и взяла его за руку.

— Что ты делаешь? — в глазах Ху Эрнян вспыхнула жажда убийства. Она не была кровожадной, но если эта девчонка посмеет ей помешать, ей придется совершить убийство.

Лин Буфэй посмотрел на неё, весь в холодном поту.

— Не двигайся, — прошептала Бай Мэнцзинь. — Я помогу тебе направить энергию, не сопротивляйся.

Сказав это, она выпустила свою энергию и направила её в его меридианы.

Её энергия была тонкой и безвредной, она точно обходила силу Ху Эрнян и дерева утун, вливаясь в его каналы. Обладая необычайным сродством, она быстро слилась с застойной энергией Лин Буфэя.

Затем эта огромная масса энергии пришла в движение, питая сосуды, успокаивая сердце. Боль утихла, и Лин Буфэй расслабился.

Помимо защиты сердца, это действие не имело иных целей. Ху Эрнян хмыкнула, её жажда убийства улеглась:

— У тебя и правда есть способности, девчонка. Неудивительно, что секта Уцзи выбрала тебя.

Бай Мэнцзинь позволила ей заблуждаться и, воспользовавшись моментом, осмотрела внутренние органы Лин Буфэя.

Её энергия текла по его меридианам, проходя через точки, и она обнаружила корень проблемы.

Внутри него была не только энергия матери, но и неведомая магическая ци. Эта энергия была запечатана в акупунктурных точках, перекрывая меридианы.

Если сравнить меридианы обычного человека с непрерывной сетью, то у Лин Буфэя они были разбиты на сегменты. Меридианы были в порядке, но узловые точки были залиты магической ци, из-за чего он не мог использовать духовную энергию — она и магическая ци атаковали друг друга, и принудительная циркуляция привела бы к разрыву каналов.

А то, что он до сих пор жив, — заслуга артефакта в его Даньтяне. Этот артефакт, подпитываемый энергией, надежно подавлял магическую ци, не давая ей творить зло.